

С. Н. Труфанов
(г. Самара, Россия)

О КРИЗИСЕ В ФИЛОСОФИИ
ИЛИ
«КТО МЫСЛИТ АБСТРАКТНО»

Так кто же мыслит абстрактно?

Абстрактно мыслит тот человек, который вырывает единичные вещи из окружающего мира и рассматривает их в изолированности друг от друга. По ходу этого он накручивает вокруг них ворох поверхностных рассуждений, которые, однако, не приводят его к пониманию их сущности. Напротив, конкретно мыслит тот человек, который рассматривает окружающие предметы во всём богатстве их внутреннего содержания и внешних связей, благодаря чему он постигает их понятие в единстве всех его определений.

Абстрактное мышление свойственно начальной ступени развития мыслительной деятельности людей – ступени рассудка. Оно присуще юному и необразованному сознанию, испытывающему недостаток знаний. **Конкретное** мышление составляет высшую ступень деятельности интеллекта человека – ступень разума. Оно присуще зрелому образованному сознанию, располагающему достаточным объёмом знаний. Абстрактное мышление **фрагментарно**. Оно сияет разрывами и перескоками мысли. Конкретное мышление имеет **системный** характер, оно последовательно и взаимосвязано.

Оба вида мышления не исключают друг друга. Они составляют две последовательные ступени становления мыслительной деятельности человека как таковой. Первоначально формируется абстрактное рассудочное мышление. Затем – и только затем – развивается конкретное разумное мышление. Разум, следовательно, в отличие от рук, ног, ушей и т. д., не даётся человеку от рождения. До него требуется дорасти, пройдя предварительно через ступень рассудка.

– «Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами.

– Чего? Мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Как ты смеешь говорить мне это?! Не твоего ли отца вши заели в канаве? Не твоя ли мать с французами крутила? Смотрите на неё, целую скатерть на платок извела! Знаем, откуда все эти тряпки да шляпки. Если бы не офицеры, не щеголять бы тебе в нарядах. Порядочные-то за своими дома сидят...

Короче говоря, эта торговка и крупницы доброго не видит в своей обидчице. Всё – от шляпки и до пят, вкупе с её папашей и остальной роднёй, она подводит исключительно под тот проступок, что та посчитала её яйца тухлыми. Тогда как те офицеры, которых она упомянула, наверняка заметили бы в этой даме и другие свойства, совсем иного рода». – Это один из примеров, с помощью которого Гегель поясняет суть абстрактного мышления.

Начальная ступень мышления – ступень рассудка – господствовала в истории человечества вплоть до XIX столетия. До наступления эпохи Просвещения общество располагало скудными знаниями о мире, недостаток которых компенсировался религиозной картиной мироздания. Соответственно, мышление людей носило в тот период преимущественно фрагментарный рассудочный характер. Причём данная форма мышления процветала не только в повседневной жизни людей, где она и в наши дни чувствует себя вполне комфортно, но и в сфере научного познания. Со времён античности развитие философии и всех других отпочковавшихся от неё наук происходило путём выявления и изучения отдельных понятий (определений) окружающего мира. Рассматривались такие понятия как имеющие значение лишь сами по себе, вне их взаимной обусловленности друг другом.

В таком подходе был несомненный плюс, поскольку благодаря ему происходило неуклонное наращивание арсеналов разума: накапливались все те понятия и определения, посредством которых мир делался достоянием мышления людей. Но в нём же сохранялся и большой минус, заключающийся в том, что весь этот материал мышления (понятия и определения) оставался в разрозненном состоянии. Вопрос о необходимости наведения порядка в арсеналах используемых человечеством понятий и построения из них единой научной картины мира ещё не возникал.

В XVIII веке Европа вступила в эпоху Просвещения. Началось развитие естественных и гуманитарных наук, которые поставляли всё больше знаний о природе, о человечестве, о человеке. Причём это был довольно своеобразный по нынешним меркам этап их становления. С одной стороны, в каждой из частных наук уже сформировался аппарат

основных, «несущих» их конструкцию понятий, с другой, само строение этих наук ещё оставалось прозрачным и незагроможденным всем тем прикладным содержанием, которое в обилии пришло в них позднее.

Развитие научного познания потребовало качественных преобразований от мышления людей, придания ему последовательного, взаимосвязанного характера. Абстрактные фрагментарные мысли были допустимы в условиях недостатка знаний, наличия в них больших пробелов, которые прикрывались религиозной картиной мироздания. Но по мере накопления знаний и заполнения пробелов деятельность мыслящего Я человека становилась всё более самостоятельной и созидательной. Всё чаще ему приходилось выстраивать цепочки умозаключений в обход религиозных догматов, в ходе чего оно вынуждено было выявлять содержательные связи различных понятий и применять их в строгом соответствии с их смыслом. Тем самым прогрессирующее научное познание исподволь стало прокладывать дорогу для восхождения мышления людей на ступень разума.

«Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он пребывал по собственной вине. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое состояние, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им самостоятельно без руководства со стороны кого-нибудь другого. Sapere aude – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения» [Кант, 1966: с. 27]. Так охарактеризовал интеллектуальную атмосферу своего времени Иммануил Кант (1724–1804).

Необходимость выхода из состояния несовершеннолетия потребовала от человечества совершить переход от абстрактного фрагментарного мышления к последовательному и взаимосвязанному, со ступени рассудка – на ступень разума. Целенаправленная работа по решению этой задачи была начата **Иммануилом Кантом** в «Критике чистого разума».

Что дала миру немецкая классическая философия?

Кант провёл различие между *апостериорной* и *априорной* деятельностью мышления людей. Те суждения, которые продиктованы *опытом* – реальными связями чувственно воспринимаемых нами предметов природы, – являются **апостериорными**. А те суждения, которые возникают в результате *чистой* деятельности нашего Я, нацеленной на постижение всеобщих предметов мысли – мира, Бога, – являются **априорными**. На основе такого различия Кант отделил

разум от **рассудка**. Рассудок человека производит *апостериорные* суждения, т. е. он действует по принципу «как что видится, так оно и мыслится». Разум же выстраивает *априорные* суждения, которые диктуются потребностями самого процесса построения знаний о мире в целом. Именно в производстве априорных знаний состоит назначение человеческого разума и его отличие от рассудка. Поскольку исследованием данного вида знаний не занимается ни одна наука, включая философию, постольку необходимо создать такую специальную **науку**, которая раскрывала бы «возможность, принципы и объём» априорной деятельности мышления человека. В этом видел свою задачу Кант, и на её решение были направлены его философские работы.

Следующий шаг на пути к понятию разума сделал **И. Г. Фихте**. Процесс производства знаний – это только одна сторона деятельности человеческого Я. Другая заключается в том, что оно (Я) должно продолжать работать с ними в пределах самого себя. Назначение осознающего себя Я человека – конструировать из имеющихся в нём знаний целостную картину мироздания и действовать исходя из неё. Создавать такую картину следует путём выведения (дедукции) последовательного ряда всех его (мира) определений. Благодаря этому мы получим целостную картину мира, в рамках которой найдёт своё законное место каждое его отдельное понятие. Задачу современной ему философии Фихте видел в том, чтобы разработать соответствующую этим целям науку, которую он предлагал назвать *наукоучением*. Только так философия сама сможет стать наукой.

В позиции Канта и Фихте сохранялся крен в сторону субъективной деятельности человеческого Я, конструирующего из самого себя всю систему определений мира. Сам же мир оставался за пределами этого процесса, не принимал участия в нём. Тем самым мыслящее Я субъекта отрывалось от того объекта – внешнего мира, который оно мыслило. На устранение данного недостатка была направлена философия **Ф. В. Й. Шеллинга**. Человек не пришёл в этот мир из ниоткуда. И по плоти своей, и по духу своему он – дитя этого мира. В нём нет ничего такого, чего не было бы в окружающем его мире. Все содержащиеся в голове человека *идеальные* понятия, посредством которых он мыслит окружающий мир, отражают его (мира) *реальное* содержание.

«Одно и то же мысль и то, о чем эта мысль», – говорил ещё в древности Парменид. В новое время, после того как Кант и Фихте указали на существование двойного отношения противоположности: а) между субъективным Я человека и объективным миром и б) внутри самого осознающего себя Я субъекта, потребовалось не просто повторить это положение древнегреческого философа, но и обосновать его. Тожество

содержания мышления человека и содержания окружающего мира является следствием их противоположности, которая преодолевается благодаря деятельности познания. Принимая форму знаний, внешний мир *субъективируется*. Но коль скоро сознание человека наполняется знаниями о мире (об объекте), оно само *объективируется*. Благодаря такому вхождению друг в друга снимается изначально полагаемая противоположность субъекта и объекта и устанавливается их содержательное единство (тождество).

В философии Канта речь шла преимущественно о процедуре познания мира. Человек познаёт окружающие предметы и в ходе этого наполняет своё *сознание* знаниями: *со-знание, con-sciences*. Фихте перенёс своё внимание на деятельность *самосознания* человека. Назначение осознающего себя Я заключается в конструировании им единой картины мироздания. Шеллинг указал, что тот реальный мир, в котором мы живём, и тот идеальный материал нашего сознания, посредством которого мы его мыслим, представляют собой одно и то же содержание. Разница сохраняется лишь в том, что мир существует *вне* нас, тогда как все его определения находятся *внутри* нас, в нашем сознании. **Вильгельм Гегель** соединил воедино эти три точки зрения, благодаря чему вышел к понятию *разума*.

Разум представляет собой единство сознания и самосознания человека. Он формируется через вхождение осознающего себя Я в противоположность к его собственному содержанию, каковым являются все те понятия, посредством которых люди мыслят этот мир и передают друг другу информацию. Снимается данная противоположность за счёт активной деятельности нашего мыслящего Я, направленной на приведение всех его арсеналов – используемых им понятий – в осмысленный порядок. Позитивным результатом такой деятельности разума должна стать единая научная картина мира, представляющая собой упорядоченное единство всех его (мира) собственных определений (понятий).

Разум – это научная картина мира в голове человека, которая позволяет ему применять все составляющие её ткань понятия согласно их месту и значению. На ступени рассудочного мышления человек также способен использовать отдельные понятия таким «разумным» образом, но удаётся ему это, в основном, за счёт интуиции, локально и эпизодически. Научную задачу своего времени Гегель видел в том, чтобы сделать то, что прежде было доступно только интуиции, предметом научного познания. Пришло время навести тотальный порядок в арсеналах человеческого разума и сделать знание этого порядка достоянием всех. Данная работа и будет представлять собой переход

интеллекта людей со ступени рассудочного фрагментарного мышления на ступень разумного системного мышления.

Созданная во Франции несколькими десятилетиями ранее обычная энциклопедия не решала данной задачи. Принятая в ней алфавитная последовательность расположения понятий никак не была связана с преемственностью их содержания. В силу этого она соответствовала (и продолжает соответствовать) только ступени рассудочного мышления. Для формирования разумного системного мышления требовалось разработать иную энциклопедию, составленную по принципу логической преемственности собранных в ней понятий, где из одного понятия должен вытекать смысл другого, из него – третьего и т. д. В своём последовательном взаимосвязанном единстве все понятия должны образовывать целостную научную картину мира. Решению данной задачи посвятил всю свою жизнь Вильгельм Гегель.

Для того чтобы выстроить эксплуатируемые человечеством понятия в порядке их логической преемственности, Гегелю потребовалось изучить все науки своего времени. В результате ему пришлось проделать беспрецедентную по масштабам работу мысли, которая воплотилась в 17 томов его произведений. Главным или, как принято теперь говорить, системообразующим произведением Гегеля является его трёхтомная «Энциклопедия философских наук», где он в **краткой, тезисной** форме выстроил в единый логически последовательный ряд все те понятия, посредством которых мы постигаем наш мир. Из неё вытекают и к ней сводятся все другие его произведения, в которых более подробным образом излагаются её отдельные разделы.

В своей «Энциклопедии» Гегель разделил все арсеналы человеческого разума на три группы. Первую группу составили определения *чистого понятия*. Вторую – определения *природы*. Третью – определения *человечества*. Затем он систематизировал каждую группу определений по отдельности. В первом томе – «Наука логики» – он выстроил понятие *чистого понятия*. Во втором томе – «Философия природы» – понятие *природы*. В третьем томе – «Философия духа» – понятие *человечества*.

Наибольшую сложность для осмысления составляет его «Наука логики», в которой он синтезировал понятие *чистого понятия*. **Чистое понятие**, или *понятие в чистом виде*, – это то общее, что присуще понятиям всех предметов. Если каждый конкретный предмет имеет своё собственное понятие, то, следовательно, у всех у них (у их понятий) должно быть что-то общее. Вот это общее и есть то, что Гегель называл *понятием как таковым*, или *чистым понятием*.

Любой предмет представляет собой некую *целостность*, которая состоит из *частей*, а части – из *элементов*. На языке *чистого понятия* целое называется *всеобщностью*, части – *особенностью*, а элементы – *единичностью*. Однако для того чтобы получить возможность использовать в своих умозаключениях названные определения, необходимо прежде выявить в самом предмете все его реальные части и элементы. Только за счёт этого наше мыслящее Я получит тот фактический материал, который позволит ему наполнить данные определения (всеобщее, особенное и единичное) конкретным содержанием. Но ещё раньше нам потребуется обнаружить сам интересующий нас предмет, найти его в окружающем мире и отделить от остальных. Соответственно, вся процедура постижения понятия состоит из трёх последовательных этапов. На первом этапе мы только **обнаруживаем** сам факт бытия интересующих нас предметов. На втором – **выявляем** их внутреннее строение и внешние связи. На третьем – **постигаем** их понятие как таковое. Отсюда три части «Науки логики»: «Учение о бытии», «Учение о сущности» и «Учение о понятии».

Каждому этапу постижения *чистого понятия* соответствует своя группа его определений, которые называются *категориями*. Категория означает то конкретное, что мы высказываем о предметном мире, что мы утверждаем в отношении него. Таковыми являются *всеобщие признаки*, которыми обладают *все окружающие нас предметы*. Все они имеют *количественные* и *качественные* параметры, *форму* и *содержание*, а также *единичное*, *особенное* и *всеобщее* значение и т. д. Данные признаки, выраженные в словесной форме, представляют собой как раз те определения, посредством которых мы мыслим чистое понятие. Вот эта группа определений и была систематизирована Гегелем в его «Науке логики», благодаря чему он выстроил в ней понятие *чистого понятия*.

Наука о чистом понятии – это абсолютное достижение человеческой мысли, и аналогов ему не знала история. Это своего рода экзамен на зрелость, который от лица всего человечества успешно сдал Вильгельм Гегель. Отделив определения чистого понятия (категории) от определений природы и человечества, он в итоге смог осуществить то, что прежде никому не удавалось, навёл действительный порядок в арсеналах человеческого разума и установил ведомственную принадлежность всех понятий без исключения.

Известные паралогизмы Канта возникли именно из-за смешения определений чистого понятия с определениями природы и человечества. По этой же причине Фихте не удалась самому дедуцировать заявленную им систему определений мира, а Шеллинг вообще вынужден был отказаться от научного подхода в решении этой задачи в пользу

интеллектуальной интуиции и художественного творчества. И та беспомощная сутолока понятий, которой довольствуется современная нам философия, имеет в своём основании всё ту же причину. Чтобы претендовать на статус науки, философии необходимо было первым делом научиться отделять определения чистого понятия (категории) от определений реальности: природы и человечества.

С исторической точки зрения появление «Энциклопедии философских наук» представляло собой закономерное возрастное событие в жизни человечества – акт его **вхождения в свой ум**. Достигается такое вхождение путём наведения порядка в том массиве многообразных знаний о мире, которые уже накоплены им (человечеством) и составляют имманентное содержание его духа. А сама процедура наведения такого порядка предстаёт как специальная наука, основы которой и были разработаны Гегелем в его «Энциклопедии». Причём создавать эту науку следовало именно в условиях первой четверти XIX века. Назревшая к тому моменту необходимость *выхода* человечества из состояния *несовершеннолетия*, о чём говорил Кант, потребовала для своего разрешения осуществления процедуры его *вхождения в свой ум*, что и было сделано Гегелем. Создав «Энциклопедию философских наук», он тем самым выполнил научную задачу своего времени – поднял мышление на ступень разума.

В результате такого «вхождения в ум» и наведения в нём порядка человечество получило следующее.

1. Собственный **предмет** философии, в отсутствии которого её упрекают другие науки. Все прочие философы – и те, что были до Гегеля, и те, что творили после него, исследовали используемые человечеством понятия в *штучном* порядке или, в лучшем случае, небольшими *группами*. И только Гегель взял на себя смелость решать задачу философской мысли в её полном развитии. Философия должна брать все те понятия нашего разума, посредством которых мы мыслим этот мир и передаём друг другу информацию, и приводить их в логически последовательный порядок. Соответственно, свою строго научную форму философия впервые обрела только в его «Энциклопедии философских наук», благодаря чему она получила право называться **рационалистической** и отделять себя от всех других форм постижения мира. «Всё то, что заслуживает названия философии, всегда помещало в основание своих учений сознание абсолютного единства того, что рассудком признаётся лишь в его раздельности» [Гегель, 1975: с. 402].

2. Первый набросок единой **научной картины мира**, в рамках которой все частные науки нашли своё место, что позволило каждой из

них обрести свой внутренний **остов** – последовательно развивающийся ряд несущих их конструкцию понятий. Подобно тому, как спортивный тренер противостоит игрокам, а театральный режиссёр – актёрам, так и созданная Гегелем наука составляет единство противоположности со всеми остальными науками. Она вбирает в себя весь ряд эксплуатируемых ими понятий и выстраивает их в единую последовательную научную картину мира. Она, следовательно, является не одной из многих наук, а одной на всех.

3. Новый образовательный предмет – **грамматику разума**, которая подобно таблице умножения показывает в чистом виде архитектуру человеческого ума, его внутренний строй.

4. Всеобщий духовный **знаменатель**, раскрывающий единство всех людей планеты в качестве обладателей разума. Объединяющей основой каждого отдельного народа является его **национальный язык**. Для определённой группы народов такой основой выступает исповедуемая ими **религия**. А для всего человечества таким всеобщим духовным знаменателем является та данность, что все люди **разумны**.

5. **Понятие** самого **разума**. «Энциклопедия философских наук» – это и есть развёрнутое изложение понятия разума.

На начальной ступени мышления – ступени рассудка – человек осознаёт себя лишь в качестве просто **мыслящего**. Он знает, что он мыслит, но он ещё не задумывается над тем, почему он мыслит и как он, собственно, мыслит. Только на второй ступени – ступени разума – мы достигаем понимания того, **почему** мы мыслим и **как** мы **мыслим**. Первое качество в нас закладывается с детства и сохраняется при всех обстоятельствах. Второе в полной мере мы получаем возможность обрести лишь благодаря созданной Гегелем науке.

Чем занималась постклассическая философия?

К сожалению, научная система Гегеля имела один недостаток. Все его произведения были написаны невероятно трудным языком. На то были свои причины, одна из которых заключалась в том, что в те годы ещё не обо всех вещах можно было говорить и писать открытым текстом. Из-за труднодоступной формы изложения содержание его произведений оказалось законсервированным для понимания на многие десятилетия. Они переводились на разные языки и неоднократно переиздавались. Однако главные вопросы: **что** он сделал, **зачем**, с какой **целью**, оставались без ответа. По этой причине ситуация в постгегелевской философии оказалась ещё более неопределённой, чем была ранее. Вроде бы всё уже состоялось. Существовала «Критика чистого разума» Канта.

Были опубликованы многочисленные работы Фихте, в которых выдвигалась задача по логической дедукции всеобщей системы понятий. Была разработана философия тождества Шеллинга. Существовала, наконец, «Энциклопедия философских наук» Гегеля, где эта дедукция была произведена на деле. Но коль скоро она оставалась непонятной, то, следовательно, она так и не стала действительной. (Действительность – это то, что действует.) В этой ситуации философия пыталась продвигаться вперёд по трём направлениям.

Первое направление было обусловлено развернувшимся в XIX–XX столетиях мировым *революционным процессом*, который смешал все карты во взглядах на историю, на общество, на человека. Он потребовал своего осмысления как с точки зрения его исторической закономерности, так и с точки зрения ожидаемых результатов. Отсюда – появление учений К. Маркса и Ф. Энгельса, М. Бакунина, О. Шпенглера, А. Тойнби и многих других.

Возникновение нового демократического устройства общества потребовало, в свою очередь, изучения всех его вновь открытых сфер: свободного предпринимательства, гражданских институтов, политических структур, системы правосудия, государственной власти, международного права и т. д. Это обусловило появление в XIX–XX веках многочисленных социальных теорий и их ответвлений: экономических, политологических, правоведческих и др.

Революционный процесс привёл к формированию свободного самосознания людей и равноправных отношений между ними. Подневольному человеку не требовалось иметь моральных намерений и правового сознания. За него думал и решал его господин. Но как быть тому же человеку после его освобождения от господской власти? *Чем* теперь ему жить, *ради* чего жить, *каких* ориентиров придерживаться и *какому* Богу служить? В условиях феодальной, крепостной зависимости таких вопросов не возникало. Но в новых условиях массового перехода целых народов на ступень свободного равного самосознания они выступили на первый план. Соответственно, философская мысль второй половины XIX века, как в её наукообразной форме, так и в форме художественной литературы, активно принялась за их обсуждение. *Философия жизни* Ф. Ницше была целиком посвящена данной проблеме. От имени Заратустры он обосновывал необходимость пересмотра значения морального мира для жизни человека. «*Бог – в смысле существования отношений господства и рабства – умер*». В России ему вторил Ф. М. Достоевский: «Если Бога нет, значит, всё дозволено». Раз нет господина над тобой, то, следовательно, надо самому за себя думать и самому решать. В США на этой почве возникло учение *прагматизма*. В

Европе получили распространение *экзистенциализм, психоанализ, персонализм* и другие течения.

Второе направление было обусловлено сохраняющейся потребностью в переходе мышления людей со ступени рассудка на ступень разума. По причине непонятности «Энциклопедии философских наук» Гегеля потребовалось заново искать ответ на вопрос: что такое разум? – и, соответственно, заново делать то, что фактически уже было сделано немецкой классической философией.

Наиболее последовательная попытка разобраться в этих вопросах была предпринята Эдмундом Гуссерлем. Основополагающее понятие его феноменологии – *интенциональность* и все производные от него – означает, что все акты нашего сознания (образы, представления, мысли) предопределены предметным содержанием познаваемого нами мира. Но каким именно содержанием и в какой последовательности его освоения? На эти вопросы Гуссерль так и не дал в своём обширном наследии вразумительного ответа. Видимо, сказывался фактор времени. Слишком бурно прогрессировала наука, слишком быстро она обрастала прикладными знаниями, из-за чего уже не была видна та ажурная вязь определений *чистого понятия, природы и человечества*, которую ещё можно было разглядеть в начале XIX века. То, что наука позволяла сделать во времена Гегеля, спустя столетие повторить не удалось. (Но за попытку, как говорится, спасибо.)

Третье направление. Поскольку постклассической философии не удавалось реализовать свой собственный рационалистический принцип построения картины мира, постольку она стала проявлять интерес к альтернативным способам решения данной задачи. Подобно отстающему ученику, который не знает, что ему следует писать в сочинении на тему «Как ты видишь мир?», она стала заглядывать в тетради своих соседей. Во-первых, начала присматриваться к стремительно развивающимся частным наукам. Во-вторых, сохранила свой интерес к традиционным религиям и иным эзотерическим учениям. В-третьих, обратилась к искусству. И чтобы самой оставаться на плаву, она пыталась заимствовать некоторые их методы для своих целей. Так появились: позитивизм, философия непосредственного знания, герменевтика, интуитивизм, философия искусства и т. п. Все эти направления получили своё развитие ещё при жизни Гегеля, в работах Конта, Якоби, Шеллинга и других.

Само по себе изучение частных наук, а также знакомство с эзотерическими образами мира и с произведениями искусства, является необходимым условием для развития философии. В ходе этого она набирает для себя тот сырьевой материал, который требуется для

реализации её целей. Но если вместо того, чтобы создавать из этого материала свою собственную картину мира, она начинает подражать им (частным наукам, эзотерическим учениям, творчеству художников), то в этом случае она совершает деяние, именуемое в научной сфере подменой понятий. Чужие принципы постижения мира она выдаёт за свои, старательно прикрывая сей грех своей специфической терминологией.

Таковы три направления развития философской мысли, которые просматриваются за последние два столетия. Как видим, ничего подобного тому, что было достигнуто немецкой классической философией, за последующий период сделано не было, да и не могло быть: поезд с набором необходимых для этого условий давно ушёл. Все эти направления продолжают существовать и в настоящее время, одни – в более активном состоянии, другие – в менее. В целом же ситуация в современной философии ничем, в принципе, не отличается от той, которая была в ней два столетия назад. Всё то же господство фрагментарного мышления. Всё та же суета вокруг отдельных понятий. Всё та же неспособность свести их в единую научную картину мира. И, соответственно, всё то же посматривание в сторону соседей (религии, искусства, частных наук). А это значит, что, несмотря на все достижения мирового развития, общая культура мышления людей сегодня ещё продолжает находиться на ступени рассудка.

Кризис современной философии

Разразившийся в современной философии кризис свидетельствует о том, что необходимость перехода мышления людей со ступени рассудка на ступень разума приобрела в настоящее время острую форму. Если два столетия назад эта проблема была лишь внутренним делом философии, то сегодня она захватила всё общество. Сама практика развития человечества на современном этапе требует её разрешения. Но коль скоро философия показывает своё бессилие в этом вопросе, то общество просто отвернулось от неё. Отсюда – и кризис. Налицо явный разрыв между масштабами назревших в обществе проблем и несопоставимыми с ними возможностями современной философии. (Сама по себе она вряд ли бы отважилась признаться в том, что находится в состоянии кризиса.)

1. Общество уже давно переросло религиозное представление о мироздании, на смену которому должна прийти научная картина мира. Небольшие фрагменты такой картины способны создавать частные науки. Но таких наук много, и каждая из них показывает мир в своём формате. Целостную научную картину мира должна отстраивать

философия. С этими целями она появилась на свет, и никто их не отменял.

Однако современная философия даже не помышляет об этом. Вместо такой позитивной картины реального мира она предлагает абстрактные высокопарные рассуждения о своей незаменимой мировоззренческой и методологической функции, о своей нацеленности на постижение предельных оснований бытия и т. п. По поводу такого поверхностного умничанья Гегель в предисловии к «Феноменологии духа» высказался следующим образом: «Пустая глубина ничем не лучше пустой ширины».

2. Неспособность современной философии исполнять свою упорядочивающую систематизирующую функцию отрицательным образом сказывается на состоянии частных наук. Они тоже находятся в кризисе. Достаточно полистать учебники, чтобы убедиться в том, что частные науки представляют собой сегодня ещё довольно архаичные образования, состоящие в основном из разнообразных эмпирических сведений. На фоне осуществляемых ими прикладных исследований это не столь явно бросается в глаза. Однако прикладные разработки и рациональный строй науки – это две разные вещи. Первые нацелены на практическое применение отдельных явлений природы для нужд человечества, тогда как рациональный остов наук принадлежит целостной научной картине мира и определяется ею.

На философии, следовательно, лежит двойная ответственность: и за себя, и за частные науки. Пока она сама не выйдет из кризиса, не выйдут из него и все другие науки. Однако современная философия отвергает необходимость своего преобразования в строгую науку, мотивируя это тем, что в этом случае она превратится в догматическую систему. Её вполне устраивает нынешнее рыхлое аморфное состояние, когда вместо объяснения необходимых для нашей жизни понятий (природы, общества, человека и т. д.) она предлагает архаичный набор неведомо зачем культивируемых ею «...логий», которые стали для неё самоцелью. *Онтология, аксиология, праксеология* – этот перечень можно продолжать до бесконечности. Сколько находится в научном обороте понятий, столько же можно создать и «...логий» к ним, для каждого – свою. Но и в этом случае мы не уйдём от необходимости приведения их (*...логий*) в разумный порядок.

3. Как говорил на заре цивилизации Гераклит: «Многознание уму не научает». Чем больше знаний в голове, тем больше человек нуждается в их упорядочении и оптимизации. В настоящее время знаний становится всё больше и больше. Но вместе с ними растёт и количество информационного мусора, бурные потоки которого постоянно отвлекают

наше мышление от сосредоточенности в самом себе. В таких условиях назрела необходимость в появлении специальной науки, которая помогала бы человеку оптимизировать знания и формировать *гармошку* в своей *голове*. Чтобы эта гармошка не только чувствовалась им (тут кому как повезёт от рождения), но и могла бы быть предметом позитивного знания. Чем здесь может помочь современная философия? – Ничем.

4. Происходящий на наших глазах процесс интеграции мирового сообщества в единый целостный организм требует поиска взаимопонимания между народами, поиска общей для всех духовной основы. Таким всеобщим духовным знаменателем, связующим все человечество в единое целое, является разум человека. Но чтобы показать это, необходима соответствующая наука о разуме. Вместо такой науки, призванной соединять народы, современная философия предлагает обратное: различие своих мировоззренческих установок, направлений, национальных школ, парадигм и т. п. В этом плане она не дотягивает даже до уровня частных наук, не говоря уж о религии. Те, по крайней мере, твёрдо говорят, что существует одна на всю планету математика, физика и т. д. Философия же, варварски путая понятия свободы и вольницы, предлагает, по сути дела, каждому субъекту иметь свою персональную картину мироздания.

5. И, наконец, начавшийся в последние десятилетия процесс компьютеризации всех сфер жизнедеятельности общества свидетельствует о том, что человечество в настоящее время вступает в возраст зрелости. Оно делается способным репродуцировать самого себя, порождать нечто себе подобное. Дома и машины, заводы и дороги – это соматическая ткань организма человечества. А вот компьютерные программы представляют собой уже его репродуктивное вещество – отчуждённую в автономное плавание деятельность мысли. Да, это вещество пока ещё находится в самом начале своего становления. Да, действующие сегодня программы – это лишь первые «цветочки». Однако эти «цветочки» уже есть и их становится всё больше и больше. В ближайшей перспективе все компьютерные программы сомкнутся между собой и создадут единое пространство. Для появления такого пространства требуется некая **общая теория программирования**, которая, в свою очередь, должна быть привязана к строению естественного человеческого разума. Что может предложить для решения этой задачи философия, которая издревле занималась изучением сознания, мышления, разума? Увы, ничего определённого.

Вот беглый перечень проблем, которые стоят сегодня перед человечеством и которые требуют для своего решения участия философии.

Пути выхода из кризиса

Чтобы выйти из кризиса, философия должна сделать для общества то, в чём оно сегодня нуждается – вывести мышление на ступень разума. Для этого ей следует вернуться по своим следам назад, в двадцатые годы XIX века. Там осталось то её достижение, без которого она не может сегодня продвинуться вперёд. Речь идёт, конечно же, о научной системе Гегеля во всём её объёме.

Современной философии необходимо самой освоить «Энциклопедию философских наук» и все другие произведения Гегеля и, в перспективе, сделать их достоянием всего человечества. Другого пути для восхождения мышления на ступень разума не существует. Заложить основы *грамматики разума* можно было в том возрасте науки, современником которого был Гегель. Соответственно, и выход теперь есть только один. Возвращаться назад к его работам и, уже отталкиваясь от них, решать проблемы наших дней. Всё то, что успел в своё время сделать этот человек, обладавший абсолютным слухом на понятия, всё то, что он разобрал и систематизировал, представляет для нас сегодня **исключительный** интерес.

Главным препятствием на этом пути является трудный язык Гегеля. Поэтому первая задача, которую предстоит решить современной философии, – переложить все его произведения на доступный язык. Образно говоря, его научная система всё ещё находится в строительных лесах. Надо произвести её чистовую отделку и убрать эти леса. Потребуется также привести её в соответствие с достигнутым сегодня уровнем развития наук, дополнить её современными научными данными. Кроме того, за два столетия непонимания научная система Гегеля обросла густой пеленой фантастических домыслов и ярлыков, которые укоренились как в самом философском сообществе, так и в широком общественном сознании. Поэтому потребуется большая разъяснительная работа о сути его научной системы и её значении для современного мира.

Призыв к реанимации наследия Гегеля может вызвать опасения в рядах действующего философского корпуса. Но созданная им наука ни у кого ничего не отнимает! Она отменяет былую вольницу рассудка, но взамен предлагает свободу. Она даёт единый свод эксплуатируемых человечеством понятий, в рамках которого каждый специалист имеет возможность остаться при своих интересах, продолжать разрабатывать свою конкретную «...логию». Если в нынешнем состоянии философское сообщество объединено лишь внешне, формально, то «Энциклопедия философских наук» позволяет создать внутреннее командное единство

философов, где каждый найдёт для себя место. Приняв разработанную Гегелем научную форму, современная философия вернёт себе достоинство и уважение общества. Она вновь станет важнейшим учебным предметом, необходимым для всех вузов и специальностей. Она вернёт преподавателям чувство гордости за свою науку и искреннюю любовь к ней.

Понятно, что все эти громкие слова так и останутся пустым звуком, если не будет решена главная проблема – перевод произведений Гегеля на доступный язык. В этом деле уже имеется определённый положительный опыт, на котором собственно и основано содержание данной статьи. Он представлен в двух моих книгах:

1. «"Наука логики" Гегеля в доступном изложении». – Самара, 1999. – 192 с.¹

2. «Грамматика разума». – Самара, 2003. – 624 с. Она представляет собой доступное изложение всей «Энциклопедии философских наук» Гегеля.

Без учёта их содержания всё сказанное здесь повисает в воздухе и теряет смысл. А сказать это надо, слишком плохи дела у современной философии. Предлагаемый выше сценарий её выхода из кризиса может нравиться или нет, но главное – он реально существует. Он способен дать философии новую жизнь, существенно повышая её статус. А значит, имеет смысл обсудить его. Тем более что разговор на эту тему фактически был начат в нашей отечественной философии ещё более 30 лет назад статьёй М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьёва, В. С. Швырёва "Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии" [Философия и наука, 1972]. Но тогда он не получил своего продолжения.

Заключение

Поклонение единичным, чувственно воспринимаемым предметам природы, которое процветало в первобытном обществе, было преодолено с появлением монотеистических религий. Догмат о сотворении мира

¹ К сожалению, за минувшие шесть лет ни в одном из философских журналов не появилось не только рецензии на эту книгу, но даже простого упоминания о ней. Факт поразительный! Ни для кого не секрет, что «Наука логики» является одним из сложнейших, если не самым сложным, произведением человеческой мысли. За минувшие два столетия объявлялось много охотников разобраться с нею и написать комментарий к ней. Сделать же это удалось только нам, здесь, в России, на базе русского языка. В отличие от всех других народов мы – единственные! – не только смогли заявить стихами А. Блока: «Нам внятно всё – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», – но и на деле подтвердили это. И надо же!?. Именно эта работа оказалась недостойной высокого внимания.

единым Богом низвёл всё множество единичных вещей до уровня его (мира) несамостоятельных элементов. Тем самым религиозная картина мироздания изъяла практику поклонения отдельным предметам из сферы **представления** человека. Но оно осталось в сфере **мышления**. Традиционная нацеленность философии на выявление и исследование отдельных понятий без последующего сведения их в единую научную картину мира – это тоже язычество, только сохраняющееся не на ступени представления, а на ступени **рассудочного** мышления.

До поры до времени такая ситуация была вполне естественной и допустимой. Но в настоящее время она становится анахронизмом. Современное состояние человечества настоятельно требует перехода мышления людей на ступень **разума**. Отстраивать новый, основанный на продуктах мысли мир, не познав при этом самого себя, не постигнув свой разум, равносильно попытке войти во взрослую жизнь, оставаясь, по существу, ребёнком с растрёпанным умишком. Не только каждому молодому человеку требуется по достижении определённого возраста разобраться в мире и в самом себе, что достигается только посредством собственного ума и в его пространстве, но и всему человечеству тоже. Вот эта работа по введению человечества в ум была начата Вильгельмом Гегелем. Продолжить её – задача современной философии.

Раскрытое в «Энциклопедии философских наук» понятие разума – это **матрица** человеческого духа, знание которой необходимо уже сегодня и станет ещё более необходимым завтра.

Литература

- Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М., 1975.
Кант И. Сочинения. Т. 6. – М., 1966.
Философия и наука. – М., 1972.

